

УДК 903.5(470.5)"637"

ГЕНДЕРНЫЕ МАРКЕРЫ В ДЕТСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ АЛАКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Н.А. Берсенева

Работа посвящена гендерному анализу детских погребений алакульской культуры Южного Зауралья. В результате исследования установлено, что женский гендер маркировался в детских захоронениях с помощью украшений начиная с самого раннего возраста, тогда как гендер мальчиков, как и мужчин, оставался скрытым в погребальном обряде.

Ключевые слова: бронзовый век, Южный Урал, детские погребения, гендер, украшения.

Погребениям детей алакульской культуры, несмотря на то что они составляют большинство погребенной популяции, в литературе большого внимания не уделялось. Половозрастному анализу алакульских могильников было посвящено лишь несколько статей [1, 2], иногда детские захоронения анализировались при публикации материалов раскопок [3, 4].

Дети в среднем по могильникам составляют большинство алакульских погребенных (64,4 %). Среди индивидов младше 15 лет абсолютно преобладают маленькие дети – от новорожденных и до двух лет – 53,9 %.

Детские погребения этого периода преимущественно индивидуальные, устроены в мелких ямах небольшого размера и глубины; часто сооружались перекрытия и рамы из дерева, реже – из каменных плит. Детские могилы локализованы по периферии погребальных комплексов, иногда устроены во рвах или пристроях к каменным оградкам. Известно нечто вроде «детских кладбищ», когда до нескольких десятков захоронений расположены на периферии курганного пространства, где центральное место принадлежит погребениям взрослых. Такая ситуация зафиксирована в могильниках Кулевчи VI, Степное VII, Урефты I и некоторых других [4–6].

Сопроводительный инвентарь как таковой, если не считать посуду, отсутствовал в погребениях детей. Все предметы, обнаруженные в детских могилах, представляют собой украшения или детали костюма, что говорит о том, что умерший ребенок был одет в момент похорон в праздничную (или, скорее всего, обычную одежду). Какие-либо орудия труда или предметы быта не полагались детям. Единичные случаи – находка пяти костяных «спиц» (Степное VII, яма 59, ребенок возрастом 0–3 мес.) и бронзового ножа в погребении девочек из могильника Алакуль (курган 27, яма 7).

На некоторых могильниках дети погребались лишь с керамическими сосудами, даже без украшений. В качестве примера можно привести некрополь Урефты I (кроме посуды, артефакты содержали лишь четыре по-

гребения из 56). В могильниках Кулевчи VI, Степное VII, Лисаковский I и Тасты-Бутак 1, Алакуль, напротив, большинство детей были сопровождаемы предметами, включавшими бронзовые украшения (браслеты, перстни, украшения для волос, подвески, бусины), раковины, подвески из клыков хищников и астрагалы. Возможно, единственной более или менее часто встречающейся категорией сопроводительного инвентаря можно считать астрагалы, иногда обнаруженные в больших количествах. Более того, в алакульский период астрагалы становятся чисто детской категорией инвентаря.

Какие предметы могли свидетельствовать о гендерной принадлежности детей? Мы видим, что украшения в этот период сопровождали девочек (?) с самого раннего возраста (например, Степное VII, яма 63, ребенок 9–12 мес.) [6]. Накосные и другие сложные украшения зафиксированы у девочки 6 лет (курган 5, яма 3, Кулевчи VI), но это скорее исключение, чем правило. Накосники начинают чаще встречаться [5] с подросткового возраста (с 9–12 лет) и могут знаменовать собой переход в иную социовозрастную категорию – молодых девушек (женщин), то есть маркируют окончание детства. Однако в пределах категории взрослых женщин выявить внутренние градации на материалах погребений пока не представляется возможным. *Все* накосные украшения (в идентифицированных случаях, конечно) принадлежали девушкам и женщинам до 30 лет. Так что в целом эти украшения могли маркировать молодых или зрелых женщин, как замужних, так и только достигших брачного возраста. Накосники в погребениях маленьких девочек (4–6 лет) определенно должны быть интерпретированы в другом ключе, символизм, связанный с ними, требует контекстуального анализа.

Вопрос, редко задаваемый исследователями: что представляют собой погребения алакульских мальчиков? Поскольку погребения мужчин в алакульское время практически не имеют вещевых гендерных маркеров, на этот вопрос можно ответить только методом исключения. Мы могли бы предположить, что все непо потревоженные погребения без инвентаря принадлежали мальчикам. Однако на Урефтах I, например, детские захоронения в абсолютном большинстве безынвентарные. В парных и тройных детских погребениях случается, что лишь один из детей был погребен с украшениями (Кулевчи VI, курган 5, яма 3), а другие – без инвентаря. Есть вероятность, что покойные с украшениями – девочки, а без украшений – мальчики, тем более когда они уложены в позу «объятий». Известно, что в погребениях взрослых в аналогичной позиции женщина обычно хоронилась в украшениях, а мужчина – без инвентаря.

Выдвинуто предположение, что именно в могилы мальчиков могли класться астрагалы [3, с. 119]. Всего на анализируемых памятниках обнаружено 16 детских захоронений с астрагалами и одно взрослое (пол не оп-

ределен). Во всех идентифицированных случаях они принадлежали детям старше 2 лет, и лишь однажды (Кулевчи VI, курган 5, яма 3) астрагалы сочетались с большим количеством украшений в одной могильной яме, то есть могли сопровождать девочку. Нужно иметь в виду, что почти все погребения с астрагалами происходят из двух могильников – Тасты-Бутак 1 (девять ям) и Кулевчи VI (семь ям). Еще по одному захоронению обнаружено на могильниках Лисаковский I и Алакуль. Представляется, что астрагалы действительно могли маркировать погребения мальчиков старшей возрастной группы, однако они не были универсальным гендерным маркером и использовались в качестве такового только в двух коллективах. В любом случае приходится констатировать, что ступени социализации мальчиков в алакульском погребальном обряде отражены слабо.

Алакульские погребения дают достаточные основания для интерпретации гендерной социализации, правда, лишь девочек. Обилие украшений в алакульских могилах позволило исследователям предположить, что разные типы украшений или их комбинации могли принадлежать и/или маркировать разные возрастные группы. Гендерными маркерами в алакульских детских погребениях, таким образом, выступают украшения, и можно определенно утверждать, что украшения символизируют женский гендер.

Библиографический список

1. Хлобыстина, М.Д. Вопросы изучения структуры андроновских общин «алакульского типа» / М. Д. Хлобыстина // Советская археология. – 1975. – № 4. – С. 23–35.
2. Куприянова, Е.В. Половозрастная стратификация как аспект культурного своеобразия древних обществ (по материалам некрополей бронзового века Зауралья) / Е.В. Куприянова // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». – Самара, 2001. – С. 321–327.
3. Усманова, Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели / Э.Р. Усманова. – Караганда–Лисаковск, 2005. – 232 с.
4. Стефанов, В.И. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте / В.И. Стефанов, О.Н. Корочкова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – 160 с.
5. Виноградов, Н.Б. Новые материалы для реконструкции облика одежды алакульских женщин (по результатам изучения могильника Кулевчи VI) / Н.Б. Виноградов // Проблемы истории, филологии, культуры. – 1998. – Вып. VI. – С. 186–202.
6. Куприянова, Е.В. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII / Е.В. Куприянова, Д.Г. Зданович. – Челябинск: Энциклопедия, 2015. – 196 с.

[К содержанию](#)